

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ,
ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ /
POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES
AND TECHNOLOGIES

УДК 001.8(519-560)

doi: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.010-029

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Республика Корея и Турецкая Республика:
сопоставительный анализ «братства по духу»

В. А. Аватков

Я. В. Агафонова ✉

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация)*
✉ agafonova.iana2017@yandex.ru

Аннотация

Введение. Выбор Кореи и Турции для проведения анализа модели поведения в рамках модифицирующегося международного порядка объясняется в первую очередь тем, что обе республики с момента их образования поддерживают тесные связи с Вашингтоном и на официальном уровне именуют друг друга «братьями по крови». Однако в исторической парадигме выстраивания внешнеполитического курса двух государств отмечаются некоторые общие направления – «братство по духу». Приведенная в статье компаративистика определяет современную модель поведения Кореи и Турции на фоне изменения геополитической реальности. Цель статьи – проанализировать общие точки пересечения в политических процессах двух республик с момента их образования по настоящее время, идентифицировать роли выделенных «средних держав» в условиях украинского кризиса.

Материалы и методы. Для сопоставительного анализа в указанных плоскостях применялись методы индукции и дедукции, метод контент-анализа, метод сравнения и анализа, статистический метод, а также цивилизационный подход. Информационную базу составили материалы, представленные в новостных источниках, статистические данные международных организаций, публикации ученых и экспертов.

Результаты исследования. Проведена полноценная страновая компаративистика внешнеполитических ориентаций обозначенных государств в XX и XXI вв., их взаимодействие с Западным блоком и вестернизация курса на современном этапе – «братство по духу». Сделаны основные заключения по их среднедержавной и региональной роли в условиях происходящих тектонических сдвигов в международной парадигме.

Обсуждение и заключение. На фоне украинских событий отмечается, что Турция, по сравнению с Кореей, проводит более независимый от Запада курс с учетом собственных интересов. Оба государства занимают выжидательную позицию в условиях строящейся политической конъюнктуры мирового взаимодействия. Проведенный анализ поведения двух стран – Кореи и Турции – как «средних держав» в условиях меняющегося миропорядка может способствовать дальнейшим исследованиям роли данного типа государств в связке «Запад – не-Запад».

© Аватков В. А., Агафонова Я. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, Республика Корея, Турецкая Республика, «братство по духу», «средняя держава», украинский кризис, международный порядок

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Аватков В. А., Агафонова Я. В. Республика Корея и Турецкая Республика: сопоставительный анализ «братства по духу» // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1. С. 10–29. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.010-029>

Original article

The Republic of Korea and the Republic of Türkiye: A Comparative Analysis of the “Brotherhood in Spirit”

V. A. Avatkov, Ya. V. Agafonova

Institute of Scientific Information for Social Sciences (Moscow, Russian Federation)

 agafonova.iana2017@yandex.ru

Abstract

Introduction. The choice of Korea and Türkiye to analyze the behavior model within the framework of the changing international order is primarily due to such facts as maintaining close ties with Washington since their formation and their reference to each other as “brothers in blood”. Nevertheless, the historical paradigm of building the foreign policies has shown that there are some common directions that should be marked as “brotherhood in spirit”. The comparative analysis given in the article identifies the modern behavioral models of “the land of morning calm” and the Republic of Türkiye towards a changing geopolitical reality. The purpose of the study is to analyze the common points of intersection in the political processes of the two republics from the moment of their formation to the present days, also to identify the role of the “middle powers” during the Ukrainian crisis.

Materials and Methods. The methods of induction and deduction, the method of content analysis, the method of comparison and analysis, and the statistical method as well as the civilizational approach were used in the research process. Due to the methods used, the authors of the article have managed to conduct a comparative analysis in these planes. The information base was made up of materials presented in news sources, statistical materials of international organizations, publications of scientists and experts.

Results. A comprehensive country comparative analysis of states’ foreign policy trends in the XX and XXI centuries has been carried out, as well as their interaction with the “West” and the “westernization” of their course at the present stage – “brotherhood in spirit”. Also, the researchers have carried out main conclusions on their role of middle powers and regional actors due to the ongoing tectonic shifts in the international paradigm.

Discussion and Conclusion. Analyzing their “brotherhood in spirit” during the Ukrainian events, it is noted that Türkiye, in comparison with Korea, pursues a more independent course from the West, taking into account its own interests, while both are characterized by a “two-track” policy. Both states are taking a wait-and-see position in the conditions of the emerging political conjuncture of global interaction. The practical significance of the work is the analysis of the behavior of two countries – Korea and Türkiye – as “middle powers” in a changing world order. The obtained results can contribute to further study the role of this type of state in the “West–non-West” relationship.

Keywords: comparative analysis, the Republic of Korea, the Republic of Türkiye, “brotherhood in spirit”, middle power, Ukrainian crisis, world order

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Avatkov V.A., Agafonova Ya.V. The Republic of Korea and the Republic of Türkiye: A Comparative Analysis of the “Brotherhood in Spirit”. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):10–29. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.010-029>

Введение. В условиях современной меняющейся геополитической реальности такой кластер государств, как «средние державы» по-разному формирует свой вектор внешнеполитической ориентации: прозападно ориентированный, продиктованный исторической взаимосвязанностью с Соединенными Штатами и их союзниками, и самостоятельный, определяемый в первую очередь своими национальными интересами.

Характерными представителями данной категории стран являются Республика Корея и Турецкая Республика, история развития которых с момента их образования по настоящее время тесно связана с США и европейскими странами.

На сегодняшний момент обе республики отождествляют двухсторонние отношения на уровне «кровного союза» (혈맹관계). При этом в ходе исследования было обнаружено, что в истории развития Кореи и Турции существуют общие переплетения их внешнеполитических направленностей с момента образования вплоть до современного этапа. Данный факт указывает на то, что взаимосвязи Сеула и Анкары возможно трактовать как братство не только «по крови», но и «по духу».

В рамках исследования проводится сопоставление стран, настроенных положительно по отношению к Соединенным Штатам, и Западу в целом, на сегодняшнем этапе развития, изучается их позиционирование и роль в условиях тектонических сдвигов международного порядка на фоне украинского кризиса.

Цель статьи – по данным исследования провести сопоставительный анализ общих моментов в истории стран, которые повлияли на их современное международное положение и роль как «средних держав» в строящемся миропорядке. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

1) провести параллельную компаративистику действий властей Сеула и Анкары в своих внешнеполитических ориентациях, уделив внимание таким аспектам, как вестернизация, социальный протест, демократизация, выстраивание своего имиджа с помощью определенного набора элементов, реализация государствами концепции «Ноль проблем с соседями»;

2) проанализировать роль региональных акторов на уровне игроков «средней силы» (middle power) в эпоху перестройки однополярности до многокомпонентной биполярности по линии «Запад – не-Запад».

Объектом исследования является «братство» Кореи и Турции на уровне исторической схожести в развитии и позиционировании на мировой арене на фоне слома условной однополярной системы международных отношений.

Научная новизна статьи состоит в описании проведения западно-ориентированной национальной политики двух обозначенных стран, их взаимодействия с двумя блоками, вовлеченными в конфликтное противостояние периода украинского кризиса. Такого рода исследование еще не проводилось в российских научных кругах.

Практическая значимость работы заключается в применении данных исследования при проведении внешнеполитического вектора России в отношении выделенных государств, а также интерпретация полученных данных в дальнейших исследованиях, посвященных изучению роли региональных акторов в мировых процессах.

Обзор литературы. В научной литературе существует ряд исследований, посвященных анализу эволюции внешней политики Республики Корея [1–3] и Турецкой Республики¹ [4–7].

Бердал Арал в своей работе отображает общие векторы направленности развития двух стран по таким вопросам, как демократизация, выстраивание

¹ Исаев А. К. Внешняя политика Турции: от идеологии к прагматизму (в поисках геополитической парадигмы) [Электронный ресурс] // Международная жизнь : сайт. 6 дек. 2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21163> (дата обращения: 26.07.2022).

отношений с США и Западным блоком, роль в международном сообществе в привязке к Евро-Атлантическому региону [8]. Он констатирует, что страны стали вести себя более активно на международной арене в эпоху постбиполярного мира. Однако указанное исследование проводилось в 2008 г., поэтому мы провели сопоставление Республики Корея и Турецкой Республики в условиях новых геополитических реалий.

Основой для проведения компаративистики в развитии двух цивилизационных полей с исторической точки зрения послужили работы Н. Г. Киреева² и С. О. Курбанова³.

Характерной особенностью двух стран является их позиционирование на уровне «средней державы». В этой связи мы провели анализ Турции и Кореи с опорой на исследование К. В. Асмолова и А. В. Соловьева [9], в рамках которого был сделан вывод об ограниченности «среднедержавных» амбиций Сеула, которые лимитируются внешними и внутренними факторами, а также недоработанной версией и идеологическим наполнением понятия «стратегическая автономия».

Кроме того, В. Р. Бритова проводит исследование об изменениях в идеологическом наполнении концепции «средней державы» со стороны Республики Корея, анализируются несколько концепций: от традиционных до функциональных, иерархических и поведенческих [10]. Вывод В. Р. Бритовой позволяет судить о совокупной мощи, используемой Кореей, в целях продвижения как «государства средней величины» на мировом уровне – 60 % «жесткой силы» и 40 % – «мягкой». С этой точки зрения был проведен анализ совокупных мощностей двух государств по направлению «жесткой» и «мягкой силы».

В дополнение к этому Дж. Мо делает заключение о растущей роли Сеула в международных политических процессах, но полномасштабная реализация сил ограничивается существующими внешнеполитическими устремлениями и противоречивыми, взаимоисключающими подходами во внутривнутриполитических кругах [11].

Работы Н. Г. Киреева, В. А. Надеина-Раевского, В. А. Аваткова стали основой для дальнейшего кроссрегионального анализа политики Турецкой Республики⁴ [12]. Исследования В. А. Аваткова послужили фундаментом по анализу и проецированию поведения властей Анкары и их роли в условиях современных тенденций по смене международного порядка [13; 14].

Материалы и методы. Для характеристики возможной конфигурации новой мировой системы интерпретируется содержание работы В. А. Аваткова «Контуры нового миропорядка и рост агрессивности Запада» и проецирование данных положений в отношении оценки действий властей Сеула и Анкары [14]. На основе авторского подхода о возможной конфигурации нового мирового порядка «Запад – не-Запад» мы выстраиваем характеристику геополитической линии Турции и Кореи в новых реалиях. В этих целях при анализе позиционирования и поведения «средних держав» на мировом уровне в реалиях

² Киреев Н. Г. История Турции XX век. М. : ИВ РАН: Крафт+, 2007. 608 с.

³ Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2016. 680 с.

⁴ Киреев Н. Г. История Турции XX век; Надеин-Раевский В. А. Попытка военного переворота и трансформация режима в Турции // Запад – Восток – Россия. 2017. С. 123–128.

украинского кризиса использовались новостные источники и программные документы правительства Республики Корея⁵.

В рамках цивилизационного подхода отдельно были проанализированы в установленных временных периодах (с 1923 и 1948 гг. до 1990-х гг.; с начала 2000-х гг. по настоящее время) процессы развития Турецкой Республики и Республики Корея.

Посредством метода индукции и дедукции рассмотрены периоды выстраивания внешней политики Кореи и Турции, начиная с момента их образования. С помощью данных методов проводится исследование политических курсов и их результатов реализации по таким направлениям, как вестернизация, демократизация, «мягкая сила».

С помощью метода контент-анализа удалось проследить трактовку установленных курсов Республики Корея и Турецкой Республики, принятых в их официальных истеблишментах. Методы сравнения и анализа позволили рассмотреть уровень рычагов давления выделенных акторов и их практическое применение в рамках мировых тенденций на современном этапе, а также реализацию концепции «Ноль проблем с соседями» Турцией в регионе Ближнего Востока и Кореей по отношению к КНДР. С помощью статистического метода была отражена взаимосвязь республик с Западом.

Турецкую Республику и Республику Корея следует считать государствами, близкими не только по направлению двухсторонних отношений, но и общей направленности в своем развитии в XX в. и XXI в. – «по духу». В чем заключается данный тип сравнения для азиатского и средневосточного государств? Для обеих стран характерны следующие общие векторы развития: демократизация, социальный протест, вестернизация, выстраивание отношений с Западным блоком, прежде всего с Соединенными Штатами, продвижения своего имиджа посредством набора инструментов (экономика, военная мощь и «мягкая сила»), а также проведение общей линии в решении региональных споров, концепции «Ноль проблем с соседями», которая была сформулирована Турцией.

В дополнение к указанному перечню следует отметить, что оба современных государства были образованы в XX в. Дата основания Турецкой Республики – 1923 г., а Республики Корея – 1948 г. Падение Османской империи привело к установлению новых границ, продиктованных положениями Лозаннского мирного договора. В свою очередь, Республика Корея возникла после свержения японского колониализма советскими войсками при номинальном участии американских войск и установления на юге от 38-й параллели капиталистического режима.

В прошлом Турция была империей, что отражается в ее амбициозности и менталитете «имперскости» до сих пор. Корея, напротив, подверглась управлению

⁵ 문재인 정부의 국가안보전략 [Стратегия национальной безопасности правительства Мун Чжэина] [Электронный ресурс] // 대한민국 청와대. URL: <https://unibook.unikorea.go.kr/material/view?dataTypes=7&uid=CAT-2019020000000023>; 靑, 우크라이나 사태 관련 "군사지원·파병은 검토안해" (종합) [Голубой Дом заявил: «В связи с ситуацией на Украине оказание военной помощи и отправка войск не рассматриваются»] [Электронный ресурс] // 연합뉴스. 23 февр. 2022 г. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20220223132252001>; 문 대통령 "우크라이나 상황 선제적으로 대응하라" [Президент Мун Чжэин: «Ответим превентивно на украинские события»] [Электронный ресурс] // 한겨레신문. 25 февр. 2022 г. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/politics/bluehouse/1032597.html>; 윤석열정부 110대 국정과제, 2022년 5월 [«110 задач государственной политики правительства Юн Согёля», май 2022 г.] [Электронный ресурс] // 제 20대 대통령직인수위원회. URL: <https://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148901282> (дата обращения: 20.04.2022).

со стороны другого государства и стиранию своей идентичности. Кроме того, после завершения периода колонизации со стороны Японии, закрепления советских войск на севере страны, а американских – на юге, подобный фактор отразился на последующем развитии Кореи – подверженности «нового рода колониализма», только уже со стороны США.

Результаты исследования. Для современных акторов, провозглашающих себя демократическими государствами, некогда пришлось столкнуться с введением военной диктатуры, что в последующем положительно повлияло на установление демократических основ на их территориях в 1980-х гг.

Одним из первых признаков внедрения западных «универсальных» принципов в Турецкой Республике считается 1950 г.: с проведением выборов осуществился переход власти от Народно-республиканской партии, сосредоточившей в своих руках управление страной с самого момента ее основания, к Демократической партии⁶. В дальнейшем ключевыми событиями в продвижении многопартийности и установлении демократических принципов являются военные перевороты во времена Второй республики (1960–1980 гг.): 1960, 1971 и 1980 гг.

В результате осуществления военного переворота в 1980 г. и установления военной диктатуры власть в стране постепенно стала переходить к гражданскому правлению⁷. В последующем, несмотря на принятие Конституции 1982 г., в которой прописывался статус республики как демократической и светской, подтверждались основные права и свободы личности, нельзя сказать, что вопрос о внедрении демократии в жизни народа приобрел значимый и существенный характер.

Период «либерализации» в стране отождествляют с приходом к власти в 1989 г. кандидата от «Партии Отечества» Тургута Озала, который начал процесс осуществления демократических реформ еще с 1983 г., после победы в парламентских выборах⁸. В частности, благодаря новому президенту, стандарты, направленные на защиту прав человека, в некоторой степени улучшились: Турция признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека общеобязательной, а курдскому населению предоставлялось право публиковаться на собственном языке [8, с. 52].

Для Кореи в такой же степени были характерны упомянутые веяния: узурпация власти в руках президента Ли Сынмана, Либеральной партии (правящая партия в 1952–1960 гг.) и установление диктатуры Демократической партии в период Второй республики (1960–1961 гг.).

Первым подступом на пути к демократизации послужило проведение выборов в 1960 г. Однако президент Ли Сынман стремился остаться во главе государства любыми способами, в связи с чем итоги выборов были сфальсифицированы, что привело к возникновению волны протестных настроений – Апрельской революции. По итогам народного восстания, согласно новому принятому проекту Конституции, управление страной было передано Кабинету министров и его главе⁹.

⁶ Киреев Н. Г. История Турции XX век. С. 52.

⁷ Там же. С. 345.

⁸ Там же.

⁹ Курбанов С. О. История Кореи... С. 495.

В период Второй республики роль первого действующего лица осуществлял премьер-министр Чан Мён, проведение политического курса которого усилило рост недовольств среди населения, ухудшило без того бедственное положение экономики страны¹⁰. Протестные настроения привели к осуществлению военного переворота в мае 1961 г. Новый этап развития Республики Корея, который именуется «военной диктатурой» (1961–1987 гг.), характеризуется сосредоточением власти в руках военных.

Правительство Третьей и Четвертой республик находилось в руках генерала Пак Чонхи (период его правления еще обозначают «военной хунтой»¹¹), а Пятой республики – Чон Духвана. Тем не менее проведение экономической политики обоих диктаторов поспособствовало ускорению темпов развития Кореи и росту материального благополучия граждан. По этой причине с середины 1980-х гг. наметился постепенный процесс демократизации¹². Окончательно переход к либеральной модели правления в стране сопровождался народными митингами в июне 1987 г., результатом которых стало принятие обновленной версии Конституции и проведение президентских выборов. Положения нового Основного Закона закрепили демократический строй Республики Корея, значительно сократив полномочия президента: срок пребывания у власти ограничивался 5 годами без права на переизбрание¹³.

Так, для обеих республик характерны похожие этапы развития: процесс так называемой диктатуры, когда в турецком парламенте долгое время главенствовала Народно-республиканская партия, а в Корее с момента ее образования у власти находился президент Ли Сынман и позже его партия в парламенте. Как говорилось выше, общие тенденции представительной демократии обозначились в 1980-х гг.: с принятием новых поправок к Конституции (в Турции и в 1987 г. в Корее).

Тем не менее при сравнении демократического транзита обеих республик стоит отметить, что на тот период у Западного мира сложилось свое видение относительно происходивших процессов. К середине 1980-х гг. со стороны развитых стран Корея была признана в качестве цивилизованной и развитой страны ввиду соблюдения прав человека, несмотря на жестокое подавление восстания в Кванджу в 1980 г., чего нельзя сказать о Турецкой Республике. В 1987 г. Совет Европы отклонил заявку Турции на присоединение к Европейскому сообществу, обозначив в докладе экономическую и политическую отсталость, в частности, указав на существующие пробелы в сфере демократизации и прав человека¹⁴. В 1992 г. власти Анкары продолжили курс на вступление в Европейский союз, получив в 1999 г. статус страны – кандидата на рассмотрение. Турция до сих пор не стала членом Европейского союза из-за недостаточного уровня соблюдения прав человека и, соответственно, демократических принципов.

Учитывая, что рассматриваемые страны являются восточными, присоединиться к демократизации по европейским и, в частности, американским критериям для них очень трудно ввиду сложившейся страновой специфики. Несмотря

¹⁰ Там же. С. 497.

¹¹ Там же. С. 498.

¹² Там же. С. 551.

¹³ Там же. С. 555.

¹⁴ Там же. С. 112.

на стремление Южной Кореи укрепить демократические принципы в гражданском обществе, которое также диктуется исторической близостью с Соединенными Штатами, политике которых свойственно навязывание своих интересов и ценностей другим государствам, до конца осуществить данный процесс сложно. Это связано с сохранившейся иерархичностью, высокой ролью государства, преобладающего уровня коллективизма и консервативных настроений.

Относительно турецкой демократии следует отметить следующие факторы: превалирование религии в социальной среде и политике (исламизм); собственное видение относительно неурегулированных споров, национальных меньшинств, в том числе курдов; роль армии; «свобода слова» в СМИ. Несмотря на «недостаточные» реформы, проводившиеся для вступления в Европейский союз, процесс демократизации в стране был пересмотрен в 2016 г. В связи с попыткой военного переворота, направленного на ликвидацию авторитарной власти Партии Справедливости и Развития (ПСР), и в частности «режима Эрдогана», действующие на тот момент демократические меры, наоборот, ужесточились [12]. Прошедшие мероприятия стали катализатором в переориентации курса Турецкой Республики по вопросу вступления в Европейский союз и его требований.

При рассмотрении политической составляющей стран наблюдается определенная параллель между самими народами Кореи и Турции, их «восточными темпераментами», точнее политической активностью обществ.

Для Турции характерно проявлять свое собственное видение относительно действий правительства посредством демонстраций, которые могут иметь затяжной характер и при этом послужить спусковым механизмом для роста протестных настроений всего общества. В подтверждение этому могут служить следующие события: Дерсимское восстание (1937–1938 гг.); протестные движения, связанные с кипрским вопросом (1956 и 1958 гг. в Анкаре, 1958 и 1964 гг. в Стамбуле); военные перевороты, которые также сопровождалась народными выступлениями; акция в Стамбуле, направленная на независимый от Америки политический курс (1969 г.); массовые митинги 2007 и 2013 гг. и многие другие.

Данный «восточный» тип протеста касается в такой же степени южнокорейского народа, который особенно известен своей выраженной гражданской активностью и для которого характерна мобилизованность в проведении массовых митингов в связи с возникновением каких-либо недовольств относительно политики действующего правительства или органов местного самоуправления. Среди исторических примеров народных демонстраций могут служить уже упомянутая Апрельская революция. В частности, следует отметить следующий факт, подтверждающий близость двух стран: в Турции в ходе военного переворота 27 мая 1960 г. из-за серьезных цензурных ограничений местные газеты не могли освещать ситуацию в стране и вместо этого подробно публиковали материалы, связанные со студенческими волнениями в Республике Корея, направленными на отстранение от власти Ли Сынмана [15, с. 41]. Еще одним известным примером протестов в Южной Корее служит движение за демократию, направленное против диктаторского режима – Сеульская весна. Во время митингов особое внимание получило «народное сопротивление в Кванджу» 1980 г. – столкновения студентов и обычных граждан с правительственными

силами правопорядка, жестко подавленные и приведшие к гибели 154 чел.¹⁵. Среди самых крупных выступлений в истории 2000-х гг. стала «Революция свечей» с требованием об импичменте президента Пак Кынхе.

В частности, о частоте протестных акций на юге Корейского полуострова свидетельствует следующий факт. Согласно отчету Национального полицейского управления, за январь – ноябрь 2021 г. количество протестных акций составило 79 407 (238 демонстраций в день)¹⁶, что на 1 954 протеста больше, чем за 2020 г.¹⁷. Динамика проведения акций данного характера отображает следующие результаты: более 100 чел. – 0,8 % всех протестов, от 10 до 99 чел. – 36,5, менее 10 участников – 62,7 %¹⁸. Данные факторы также отражают наибольшую конфронтационную составляющую и уровень довольно низкого одобрения действий правительства у южнокорейского общества и одновременно с этим, согласно западным критериям демократии, достаточно высокий уровень предоставленных политических и гражданских свобод.

Согласно оценке Economist Intelligence на 2022 г., индекс Республики Корея составил 8,16 (полноценная демократия), Турции – 4,35 (гибридный режим), более подробные данные представлены в таблице 1. По классификации издательства, исследование показало, что среди стран Западной Европы, где в основном сосредотачиваются страны с полноценным демократическим или «слабым» строем, Турция – единственная страна с гибридным режимом. Данное распределение объясняется тем, что нахождение Р. Т. Эрдогана у власти приобретает более авторитарный характер, доверие общества к действиям правительства значительно снизилось, что также связано с ростом коррупции в стране. Кроме того, индекс макроэкономической стабильности снизился ввиду роста цен и обесценивания лиры, а также ошибок, допущенных в политическом курсе¹⁹.

Т а б л и ц а 1. Индекс демократии в странах, 2021 г.²⁰

Table 1. Democracy index in countries, 2021

Показатель / Indicator	Республика Корея / Republic of Korea	Турция Республика / Republic of Türkiye
Общий балл / Total score	8,16	4,35
Место в мире / Rank in the world	16	103
Избирательный процесс и плюрализм / Electoral process and pluralism	9,58	3,50
Функционирование правительства / Functioning of government	8,57	5,00
Политическая активность / Political participation	7,22	5,56
Политическая культура / Political culture	7,50	5,63
Гражданские свободы / Civil liberties	7,94	2,06

¹⁵ Там же. С. 543.

¹⁶ More protests held this year in S. Korea, despite spike in COVID cases [Электронный ресурс] // The Korea Herald. Dec 21, 2021. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20211221000678> (дата обращения: 01.08.2022).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Economist Intelligence, Democracy Index 2021. The China challenge [Электронный ресурс] // Economist Intelligence. 2022. P. 64. URL: <https://clck.ru/33Nkyv> (дата обращения: 26.07.2022).

²⁰ Таблица составлена авторами по: Economist Intelligence, Democracy Index 2021. Pp. 13–16.

Помимо тенденций демократизации, для истории обозначенных стран характерен общий, более широкий, вектор вестернизации их политического курса, как внутри страны (внедрение западных ценностей), так и во внешней политике (поддержка действий США, участие в военных кампаниях под их эгидой, принадлежность к «капиталистическому блоку», дислокация американских военных баз на их территориях).

Для обеих стран Соединенные Штаты долгое время были «главным и верным союзником», на которого стоит ориентироваться по многим вопросам. В свою очередь, развитие союзнических отношений со стороны «страны – оплота капитализма» с обозначенными субъектами международных отношений диктовалось стремлением недопущения распространения на них идеологии главного антагониста Америки – СССР. Однако стоит отметить, что данное направление политического курса Сеула и Анкары необходимо разделять по критерию «желаемое» и «вынужденное».

Для Турции ее устремления диктовались необходимостью получить признание на международном уровне, указать на имидж ключевого игрока путем присоединения к западному сообществу и сотрудничеству с европейской и американской элитами в целях развития своей военной и экономической мощи – «желаемое». В свою очередь, Западу необходимо было укреплять связи с Турцией с целью недопущения распространения на ее территории идей социализма, защитить от угрозы в лице Советского Союза и дислоцироваться с намерением близкого подступа к границам сверхдержавы. В последующем турецкие намерения отразились в ее стремлении примкнуть к странам – участницам НАТО и Европейского сообщества (Европейского союза) для сотрудничества с ними в военной и экономической сферах.

Для Республики Корея ее связи с Соединенными Штатами и Западным миром носят «вынужденный» характер. Данный фактор выражен в закреплении американцев в южной части полуострова после свержения японской колонизации, установлении там своих «порядков» и последующего оказания помощи новообразованному государству в отражении нападения со стороны Северной Кореи в 1950–1953 гг. Неразрешенный статус итогов Корейской войны позволил на долгие годы прочно закрепиться властям сверхдержавы на территории Республики Корея как в политическом, экономическом, так и военном плане.

Данная степень зависимости диктовалась следующими причинами: обособленным положением страны в Северо-Восточной Азии в эпоху биполярности до 1965 г., когда под влиянием американского руководства были установлены дипломатические отношения с Японией; распространенные антикоммунистические настроения, связанные с «обидой на Север»; международный изоляционизм, продиктованный непризнанием в рамках ООН в качестве самостоятельной страны. Положение дел такого характера сохранялось вплоть до окончания эпохи «холодной войны». В начале 1990-х гг. между правительствами Южной Кореи, Советского Союза (позднее Российской Федерации) и Китаем были установлены дипломатические отношения. В результате предпринятых геополитических шагов Республика Корея и КНДР одновременно стали государствами – членами ООН в 1991 г. Данное событие позволило властям Сеула начать процесс диверсификации связей с международным сообществом на полноценной основе как суверенной и общепризнанной страны.

В Турецкой Республике настроения в отношении вестернизации стали постепенно меняться с 2011 г., отразившись в предвыборной декларации Партии справедливости и развития, где обозначался потенциал самостоятельности государства для становления не только регионального лидера, но и мирового, и окончательно оформились в дистанцировании от прозападной политики в 2016 г. Тенденции смены своего внешнеполитического вектора также говорят о переориентации внимания на страны Востока, в частности Китай, Японию и Южную Корею²¹, и желании закрепить свои позиции страны – лидера на Южном Кавказе, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке.

Республика Корея в своем внешнеполитическом векторе на первое место после КНДР по-прежнему ставит авторитетного союзника – США, на что влияет приведенная ранее историческая подоплека. При этом необходимо заметить, что с момента прихода к власти президента Ли Менбака, дипломатия Кореи стала приобретать контуры «средней державы», критерии которой сформулированы в концепции «Глобальная Корея», отразившись в интенсификации взаимодействия с различными странами и на различном уровне, в том числе посредством международных организаций и форумов [11, р. 590–594]. При президенте Мун Чжэине впервые указывается статус «средней державы» и подчеркивается значимость страны как «моста между развитыми и развивающимися странами»²². Тем не менее данный статус Республики Корея в большей степени демонстрируется в плоскости научно-технического развития, современных технологий, где страна стремительно преуспевает, и обсуждении ключевых международных проблем.

В сопоставлении американского влияния на Турцию и Корею необходимо акцентировать внимание на показателях, приведенных в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Сравнительный анализ военной зависимости Турции и Кореи от Соединенных Штатов²³

Table 2. Comparative analysis of the military dependence of Türkiye and Korea on the United States

Показатель / Indicator	Республика Корея / Republic of Korea	Турецкая Республика / Republic of Türkiye
Американские базы / American bases	73	13
Присутствие американских военных, чел. / The presence of the US military, plp.	26 414	1 685
Экспорт оружия из США, млн долл. США / Arms exports from the United States, mln US dollars	646	24
Наличие американской системы противоракетной обороны / The presence of American anti-missile defense	THAAD	–

²¹ «Поворот на Восток» и существующая с 2019 г. инициатива «Азия прежде всего» (Asia anew).

²² 문재인 정부의 국가안보전략 [Стратегия национальной безопасности правительства Мун Чжэина]. Р. 95.

²³ Таблица составлена авторами на основе данных сайтов Al Jazeera и Statista. См.: US Military Presence Around the World [Электронный ресурс] // Al Jazeera Media Network. 10 Sep. 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/9/10/infographic-us-military-presence-around-the-world-interactive>; SIPRI “미국, 세계 무기 수출 37% 점유…한국 수출 210% 급증” [SIPRI «37% мирового экспорта вооружений принадлежат США ... рост экспорта в Корею на 210%»] [Электронный ресурс] // VOA. 15 March 2021. URL: https://www.voakorea.com/a/korea_korea-politics_sipri-arms-export-us-rok/6056981.html (дата обращения: 26.07.2022).

На основе представленных данных отмечается высокая степень зависимости южнокорейского правительства от поставок военной техники и размещения американских войск на ее территории. При этом, согласно опубликованным материалам СМИ, по импорту оружия, произведенного в США, Республика Корея занимает 3-ю позицию с коэффициентом 6,7 %²⁴. Хотя разработка оборонной техники отечественного производства находится на высоком уровне, власти страны продолжают экспортировать ее из Соединенных Штатов, объясняя это возможностью военного столкновения с КНДР и разрабатываемой ею ядерной программой.

На современном этапе и Корея, и Турция активно наращивают главные показатели, направленные на повышение имиджа в мировом сообществе, по таким направлениям, как экономика, военная сила и идеологическая составляющая. В отношении первых двух индикаторов отмечаются данные в таблице 3. Обе республики относятся к категории развивающихся стран. Однако в 2022 г. Южная Корея была классифицирована ООН как развитое государство. По этой причине оба государства входят в состав стран – участниц формата G20 и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). По данным SIPRI, за период 2017–2021 гг. Корея и Турция входят в перечень основных стран – поставщиков вооружений. Экспорт оружия из Южной Кореи поступает в основном в азиатские страны (Филиппины, Индонезию), а также в Великобританию; экспорт Турции сосредотачивается на ближневосточных странах (Омане и Катаре) и одной центральноазиатской стране – Туркменистане, на которую приходится наибольший удельный вес в ее поставках. В импортной составляющей стран преобладающие позиции занимает США: у Кореи – 63 % (1 место), у Турции – 22 % (2 место).

Таблица 3. Характеристика Кореи и Турции по экономической и военной мощи²⁵
Table 3. Characteristics of Korea and Türkiye in terms of economic and military power

Наименование составляющей / Name of the component	Республика Корея / Republic of Korea	Турецкая Республика / Republic of Türkiye
1	2	3
<i>Экономическая детерминанта / Economic determinant</i>		
ВВП, долл. США / GDP, US dollars	1,8 трлн (10 место в мире) / 1,8 trillion (10 th in the world)	815,27 млрд (19 место в мире) / 815,27 billion (19 th in the world)
ВВП на душу населения, долл. США / GDP per capita, US dollars	46,731	30,797

²⁴ SIPRI «미국, 세계 무기 수출 37% 점유...한국 수출 210% 급증» [SIPRI «37% мирового экспорта вооружений принадлежат США ... рост экспорта в Корею на 210%»].

²⁵ Таблица составлена авторами на основе данных из открытых источников. См.: Gross Domestic Product 2021 [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>; GDP (Current US\$) – Korea, Rep., Türkiye [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=KR-TR>; Korea [Электронный ресурс] // OECD. Data. URL: <https://data.oecd.org/korea.htm>; Türkiye [Электронный ресурс] // OECD. Data. URL: <https://data.oecd.org/turkiye.htm>; Wezeman S. T. Trends in International Arms Transfers, 2021 // SIPRI Fact Sheet, March 2022. Pp. 2, 6; 2022 Military Strength Ranking [Electronic resource] // Globalfirepower. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 26.07.2022).

1	2	3
<i>Военная детерминанта / Military determinant</i>		
Индекс военной силы / Military Strength Index	0,1261 (6 место в мире / 6 th in the world)	0,1961 (13 место в мире / 13 th in the world)
Экспорт оружия / Arms exports, %	2,8 (8 место в мире / 8 th in the world)	0,9 (12 место в мире / 12 th in the world)
Импорт оружия / Import of weapons, %	4,1 (7 место в мире / 7 th in the world)	1,5 (17 место в мире / 17 th in the world)

Относительно идеологического наполнения концепций Турции и Кореи в отношении мировых процессов существует схожая черта: долгое время они следовали поддержанию концепта «средней державы», балансируя между сверхдержавами, представляя себя как посредников, олицетворяя собой «мост». Тем не менее с момента отступления Турции от прозападного курса с определенным набором механизмов «силы» Анкара стала выстраивать стратегию на достижение уровня региональной державы с последующим признанием в качестве мировой. Данному направлению способствуют основные идеологемы: неоосманизм, пантюркизм и исламизм [13]. Главным методом для достижения установленной задачи Турция выбрала продвижение своей привлекательности для региональных игроков за счет «мягкой силы».

Корея, в свою очередь, определяя себя страной «средней величины» в международном порядке, закрепив данную установку официально в период правления Мун Чжэина, балансирует между основными акторами в регионе, но при этом продвигая свою значимую роль по всему миру таким же образом, как Турция посредством «мягкой силы». Для закрепления идеологии Сеула во внешнеполитическом дискурсе выступает совокупность механизмов воздействия: экономическое сотрудничество, развитие научно-технической составляющей в условиях эпохи «Индустрия 4.0», продвижение принципов демократии и соблюдения прав человека, распространение привлекательности корейской культуры за рубежом, активное участие в международных организациях и миротворческих миссиях ООН.

Характерно, что в развитии политического дискурса на современном этапе Турция и Корея активно задействуют механизмы «мягкой силы» для выстраивания выгодного и привлекательного имиджа как на региональном уровне, так и на глобальном. Речь идет о продвижении влияния Турции прежде всего в таких регионах, как Центральная Азия, Южный Кавказ и Ближний Восток, в то время как Южная Корея стремится распространить эффект «волны халлю» и «южнокорейского экономического чуда» от близлежащих государств – Китая, Японии и России – в отдаленные районы – страны Ближнего Востока, Латинской Америки, Европы и Юго-Восточной Азии, т. е. по всему миру.

Также в выстраивании своего имиджа на мировом уровне для республик свойственен общий курс, который был сформулирован как «Ноль проблем с соседями» премьер-министром Ахметом Давутоглу. Главная идея данной концепции – необходимость выстраивания дружественных отношений с сопредельными государствами. В Турции данный концепт был обращен прежде всего к государствам Ближнего Востока, на пространстве которого правительство

страны намеревалось за счет своей медиаторской роли повысить значимость до мировой державы. Тем не менее данная идеология претерпела поражение, так как основной принцип невмешательства во внутренние дела соседей был нарушен с началом «арабской весны» и распространения протестных настроений на другие близлежащие страны [13, с. 120].

У южнокорейского правительства основное направление во внешнеполитической ориентации занимает вопрос урегулирования ситуации на Корейском полуострове. Для Сеула такой жизненно важный интерес трактуется как необходимость создания на территории полуострова миролюбивой обстановки посредством официального завершения войны между КНДР и Республикой Корея, объединения стран, а также создание безъядерной зоны. В положениях формулировки «Корея – это “средняя держава”» при правительстве бывшего президента Мун Чжэина и новоизбранного президента Юн Согёля вопрос улучшения связей с Северной Кореей играет в такой же степени решающую роль, как «глобального ключевого игрока».

Кроме того, в региональном порядке, где главенствуют Россия, Китай, США и Япония, Корея вынуждена проводить политику укрепления связей с данными акторами, при этом стремясь поддерживать принцип «стратегической автономии» и поддерживая дружественные контакты с каждой из них, что довольно нелегко из-за рудиментов эпохи биполярности, сохраняющейся блоковости по линиям «Москва – Пекин – Пхеньян» и «Вашингтон – Токио – Сеул». Ввиду этого Южная Корея выходит за рамки СВА и стремительно выстраивает взаимовыгодные отношения со странами Евразии, АСЕАН, Европейского союза и Латинской Америки.

В этой связи мы задаемся вопросом: какова роль двух рассматриваемых республик в условиях перестройки модели миропорядка, в которой мнимо доминировали Соединенные Штаты?

Украинские события служат катализатором в перестройке существующей системы международных отношений: от условной однополярности к многополярности или многокомпонентной биполярности [14]. По этой причине необходимо проанализировать роль Турецкой Республики и Республики Корея в эпоху перемен.

При анализе действий властей восточных государств на фоне украинского кризиса с уверенностью констатируется проведение более независимого внешнеполитического вектора Анкары. Исходя из своих потребностей и интересов, власти страны не стали вводить санкции против России, а активно наращивали с ней связи и предлагали свои медиаторские услуги в разрешении конфликтной ситуации. Одновременно с этим турецкая сторона, будучи страной – членом НАТО, в знак солидарности с международным сообществом выражает поддержку Украине, поставляя ударные беспилотные летательные аппараты «Байрактар ТБ2». В этом плане Турция проводит политику «двуствудья»²⁶: продолжает сотрудничество с Россией, преследуя возможность занять ключевое место в новом строящемся миропорядке, и одновременно с этим выражает приверженность политике Западного блока.

²⁶ Изворотливость и хитрость – вот залог феноменальной живучести Турции. Аватков [Электронный ресурс] // RadioVan.fm: сайт. 27 апр. 2022. URL: <https://www.radiovan.fm/station/article/39690> (дата обращения: 18.08.2022).

Республике Корея, поступившись интересами бизнес-кругов и привлекательностью российского рынка для их товаров, роста товарооборота между странами, пришлось ввести санкции международного уровня по настойчивому требованию США. При этом 23 февраля 2022 г. в Корею заявили, что вопрос отправки войск или поставок вооружений Украине не рассматривается²⁷, указав лишь на поддержку применения экономического, политического и дипломатического сдерживания «вторжения России», настаивая на необходимости нормализации ситуации мирными путями²⁸.

С момента вступления в должность президента Юн Согёля риторика о дальнейшем наращивании связей с «единственным верным союзником – США» продолжила развиваться, в том числе по вопросу украинского кризиса. Примечательно, что Вашингтон настоятельно требует присоединения Кореи к новому альянсу Chip 4 (США, Япония, Тайвань и Южная Корея), участие в котором на данном этапе только рассматривается. Объединение направлено на повышение конкурентной способности входящих государств и монополизацию рынка в производстве полупроводников. Одновременно с этим власти Республики Корея выразили намерение примкнуть к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПР) и Экономической инициативе в Индо-Тихоокеанском регионе (ИРЕФ), которые носят явные антикитайские настроения. Инициативы Америки такого рода настроены против Китайской Народной Республики, что ставит под угрозу экономические интересы Кореи, у которой самый высокий товарооборот именно с Китаем.

Соединенные Штаты требуют от Южной Кореи поступиться со своими интересами не только в отношении России, но и КНР – главными участниками переговорного «шестистороннего» процесса по урегулированию ситуации на Корейском полуострове. Такие препятствия усугубляют региональное положение дел с позиции Сеула, повышая уровень конфронтационных настроений в военной и экономической областях: от уровня противостояния с КНДР до возможности введения экономической блокады со стороны Китая.

Ввиду рассмотренных факторов заметно отражается смена турецкого мышления от «среднего государства» до уровня не только регионального, но и международного актора.

Южная Корея трактует свою роль как «глобальный ключевой игрок». С одной стороны, страна по-прежнему жертвует своими интересам, действуя в угоду Вашингтону и с этой позиции нарушает принцип «стратегической автономии», продолжая демонстрировать «дефицит суверенитета», указывая на свою «среднедержавность» уровня сателлита США, что отразилось в лозунгах нового президента: «Соединенные Штаты – единственный и верный союзник» и «всеобъемлющий стратегический альянс с США».

С другой стороны, для Сеула в такой же степени присуща политика «двуствудья». Учитывая высокие показатели торговли с Китаем, Корея не стремится вступать в инициативы, направленные на подрыв экономической и военной

²⁷ 靑, 우크라이나 사태 관련 "군사지원·파병은 검토안해" (종합) [Голубой Дом заявил: «В связи с ситуацией на Украине оказание военной помощи и отправка войск не рассматриваются»].

²⁸ 문 대통령 "우크라이나 상황 선제적으로 대응하라" [Президент Мун Чжэин «Ответим превентивно на украинские события»].

мощи азиатской сверхдержавы, выражая уклончивые формулировки в своем ответе американским коллегам, как, например, с инициативой Chip 4. Одновременно с этим в документе «110 задач государственной политики правительства Юн Согёля» в отношении России указывается следующая цель: «Корея продолжит прилагать усилия по поддержанию стабильного управления отношениями с Россией при одновременном участии в усилиях международного сообщества по урегулированию украинского кризиса, включая присоединение к санкционному режиму»²⁹. Такой фактор заставляет обратить внимание на то, что Корея занимает «выжидательную позицию» в развивающемся порядке многокомпонентной биполярности, не стремится переходить только на сторону Запада, но также выстраивает вектор опосредованного сближения со строящимся не-Западом.

Обсуждение и заключение. В ходе исследования был предметно рассмотрен вопрос установления «братства по духу». В рамках странового анализа, проведенного на основе исследования исторической парадигмы по таким направлениям, как образование современных государств, пути их демократизации, вестернизации, продвижение своего имиджа с определенным набором инструментов, общая концепция «Ноль проблем с соседями», мы пришли к следующим выводам.

Для обеих республик характерны общие этапы по внедрению западных «универсальных» принципов на своей территории: установление военной диктатуры, зависимое положение от Соединенных Штатов и европейских стран, а также народные демонстрации, благодаря которым осуществились перемены в политической жизни граждан. Согласно оценке Запада, со второй половины 1980-х гг. Корея примкнула к разряду «цивилизованных стран» с выраженной демократической направленностью, что позволило на 2021 г. оценить ее развитие в данной области на уровне «полноценной демократии», а Турцию отнести к разряду «гибридных режимов», которым свойственна авторитарность.

Более широкое направление – вестернизация – носит при этом разный характер: у Республики Корея – «вынужденный», связанный со сложившимся зависимым положением от США, у Турецкой Республики – «желаемый», выраженный в стремлении Анкары получить международное признание. Однако выделенный вектор внешней политики базировался на выстраивании отношений в первую очередь с Вашингтоном. В отличие от Кореи, на современном этапе Турция стала проявлять более независимую политику.

В ходе сравнения экономической и военной детерминант наблюдается более высокий уровень мощи и способностей у Республики Корея, нежели у Турции. В противовес этому у Анкары отмечается улучшенная проработанность идеологической составляющей, отразившейся в совокупности задействованных идеологем: неоосманизма, пантюркизма и исламизма, реализующихся с помощью «мягкой силы». В настоящий момент можно утверждать, что Турция уже считается региональной державой.

Возможности Кореи ограничиваются ее положением в Северо-Восточной Азии, где преобладают Россия, Китай, США и Япония; по этой причине страна стремится распространить свое влияние за пределами региона с помощью инструмента «мягкой силы».

²⁹ Там же.

С целью получения определенного статуса лидера, регионального, затем мирового, для обеих стран характерна концепция «Ноль проблем с соседями», но в различных направлениях. Тем не менее и для Турции, и для Кореи она остается недействительной: для первой – в отношении процессов в регионе Ближнего и Среднего Востока, а для второй – на территории Корейского полуострова.

Примечательно, что в условиях украинского кризиса стороны отчасти проводят политику «братства по духу». Власти Анкары и Сеула выступают за урегулирование конфликта прежде всего дипломатическими средствами. В частности, Турция предлагает свою роль медиатора для достижения общего консенсуса между вовлеченными сторонами конфликта.

Обе стороны по-прежнему подвержены влиянию Западного блока, что проявляется в их безоговорочной поддержке украинской стороны. Однако Турецкая Республика все-таки проводит политический курс с учетом своих интересов, о чем свидетельствует отказ о введении санкций против Российской Федерации и обозначенная возможность вступления в БРИКС и в перспективе в ШОС. В дополнении к этому, позиционируя себя «дипломатическим хабом», Анкара решительно настроена с помощью украинского кризиса завоевать место мировой державы.

Тем временем, несмотря на то, что Южная Корея вынужденно присоединилась к международному санкционному режиму в отношении России и подчиняется влиянию Вашингтона, в отличие от Турции она не поставляет военную технику и выражает поддержку властям Украины «дистанцировано».

Решение о вступлении в ряды СРПР, ИРЕФ и предполагаемое присоединение к альянсу Chip 4 говорят о возможности ухудшения отношений с КНР, что повлияет на углубление фактора ограниченного позиционирования страны в регионе, а также концентрации роли, сформулированной Юн Согёлем как «Республика Корея – глобальный ключевой игрок», лишь на уровне марионеточного государства. Характерно, что при этом правительство страны в условиях обозначенного кризиса намерено выстраивать стабильные и конструктивные отношения помимо Вашингтона, с Пекином и Москвой, что отразилось в опубликованном документе «110 целей правительства Юн Согёля».

Таким образом, к настоящему моменту Турция выстраивает политику, ориентированную на занятие ниши не-Запада в новой конфигурации биполярности, в то время как Республика Корея развивает и интенсифицирует отношения с Западом, но не отказывается от отношений со странами линии не-Запада.

Практическая значимость работы заключается в создании основы для дальнейших исследований такого вида, проведении анализа поведения государств, как Республика Корея и Турецкая Республика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолаева Е. М. Формирование и развитие идеологии внешней политики Республики Корея // Genesis: исторические исследования. 2020. № 7. С. 39–50. doi: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.7.33554>
2. Бритова В. Р. Основные направления внешней политики Республики Кореи на рубеже XX–XXI веков // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 6. С. 109–120. doi: <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2021.6.36697>

3. Суслина С. С., Самсонова В. Г. Южная Корея в новой архитектуре политико-экономических связей в АТР // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. С. 96–113. URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/258/SUSLINA_SAMSONOVA_3_2012.pdf (дата обращения: 26.07.2022).

4. Шлыков П. В. Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат // Международная аналитика. 2021. Т. 12, № 2. С. 130–152. doi: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-130-152>

5. Kalin I. Turkish Foreign Policy: Framework, Values, and Mechanisms // International Journal. 2011. Vol. 67, no. 1. Pp. 7–21. doi: <https://doi.org/10.1177/002070201206700102>

6. Дружиловский С. Б., Аватков В. А. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002–2012 гг.) // Обозреватель – Observer. 2013. № 6 (281). С. 73–88. EDN: QANNYD

7. Аватков В. А. Турция: поворот на Восток // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 2. С. 181–196. doi: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-2-181-196>

8. Berdal A. A Comparative Analysis of Turkish and South Korean Foreign Policies And International Perspectives Since the End of the Second World War // Avrasya Etüdüler. 2008. Vol. 33, issue 1. Pp. 47–68. URL: <https://dergipark.org.tr/download/article-file/421907> (дата обращения: 26.07.2022).

9. Асмолов К. В., Соловьев А. В. Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? // Международная аналитика. 2021. Т. 12, № 2. С. 49–73. doi: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-73>

10. Бритова В. Р. Основные подходы к пониманию «средней державы» // Евразийство и мир. 2022. № 1. С. 47–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-podhody-k-ponimaniyu-sredney-derzhavy> (дата обращения: 25.09.2022).

11. Mo J. South Korea's Middle Power Diplomacy: A Case of Growing Compatibility between Regional and Global Roles // International Journal. 2016. Vol. 71, no. 4. Pp. 587–607. doi: <https://doi.org/10.1177/0020702016686380>

12. Аватков В. Турецкая демократизация в 90-е – ключ к сегодняшней исламизации Турции // Россия и мусульманский мир. 2013. № 3. С. 106–114. EDN: PXMEQJ

13. Аватков В. А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12, № 4. С. 113–129. doi: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129>

14. Аватков В. А. Контуры нового миропорядка и рост агрессивности Запада // Свободная мысль. 2022. № 4. С. 21–26. URL: <http://www.svom.info/entry/1232-kontury-svobodogo-miroporjadka-i-rost-agressivnosti-z/> (дата обращения: 25.09.2022).

15. Шлыков П. В. Историческая динамика социальных протестов в Турции // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2015. № 4. С. 23–55. URL: <https://iaas.msu.ru/wp-content/uploads/2022/03/2015-4.pdf> (дата обращения: 25.09.2022).

Поступила 06.11.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 19.01.2023.

Об авторах:

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>, v.avatkov@gmail.com

Агафонова Яна Вадимовна, младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8660-1864>, agafonova.iana2017@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

В. А. Аватков – структуризация и систематизация данных исследования; оценка и сбор данных по части статьи, связанной с Турецкой Республикой; изучение концепции

строящейся модели мирового управления и обоснование данных в отношении Турции; критический анализ и доработка текста.

Я. В. Агафонова – анализ теоретической базы по тематике исследования; проведение исследования; оценка и сбор данных по части статьи, связанной с Республикой Корея; анализ данных материалов; исследование поведения Кореи в условиях строящейся модели мирового управления.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ermolaeva E.M. Formation and Development of Foreign Policy Ideology of the Republic of Korea. *Genesis: Historical Research*. 2020;(7):39–50. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.7.33554>
2. Britova V.R. Key Foreign Policy Vectors of the Republic of Korea at the Turn of the XX – XXI centuries. *History Magazine – Researches*. 2021;(6):109–120. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2021.6.36697>
3. Suslina S.S., Samsonova V.G. South Korea in a Changing Architecture of Political and Economic Relations in the Asia-Pacific. *Moscow University Bulletin of World Politics*. 2012;(3):96–113. Available at: https://fmp.msu.ru/attachments/article/258/SUSLINA_SAMSONOVA_3_2012.pdf (accessed 26.07.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Shlykov P.V. Turkey's Foreign Policy in the Post-Bipolar System of Coordinate. *Journal of International Analytics*. 2021;12(2):130–152. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-130-152>
5. Kalin I. Turkish Foreign Policy: Framework, Values, and Mechanisms. *International Journal*. 2011;67(1):7–21. doi: <https://doi.org/10.1177/002070201206700102>
6. Druzhilovsky S.B., Avatkov V.A. Turkish Foreign Policy Ideologems: 2002–2012. *Observer*. 2013;(6):73–88. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: QANNYD
7. Avatkov V.A. Turkey: Turn to the East. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2017;10(2):181–196. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-2-181-196>
8. Berdal A. A Comparative Analysis of Turkish and South Korean Foreign Policies and International Perspectives Since the End of the Second World War. *Avrasya Etüdler*. 2008;33(1):47–68. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/421907> (accessed 26.07.2022).
9. Asmolov K.V., Soloviev A.V. Strategic Autonomy for ROK: Intellectual Pipe Dream or Political Reality? *Journal of International Analytics*. 2021;12(2):49–73. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-73>
10. Britova V.R. Basic Approaches to Understanding the Concept of “Middle Power”. *Eurasianism and the World*. 2022;(1):47–53. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-ponimaniyu-sredney-derzhavy> (accessed 25.09.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Mo J. South Korea's Middle Power Diplomacy: A Case of Growing Compatibility between Regional and Global Roles. *International Journal*. 2016;71(4):587–607. doi: <https://doi.org/10.1177/0020702016686380>
12. Avatkov V. [Turkish Democratization in the 90s is the Key to Today's Islamization of Türkiye]. *Russia and the Moslem World*. 2013;(3):106–114. (In Russ.) EDN: PXMEQJ
13. Avatkov V.A. Ideology and Values in Turkey's Foreign Policy. *MGIMO Review of International Relations*. 2019;12(4):113–129. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129>
14. Avatkov V.A. The Outlines of the New World Order and the Aggressiveness of the West. *Svobodnaya mysl'*. 2022;(4):21–26. Available at: <http://www.svom.info/entry/1232-kontury-novogo-miroporyadka-i-rost-agressivnosti-z/> (accessed 25.09.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Shlykov P.V. Historical Dynamics of Social Protests in Turkey. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 13: Vostokovedenie*. 2015;(4):23–55. Available at: <https://iaas.msu.ru/wp-content/uploads/2022/03/2015-4.pdf> (accessed 25.09.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 06.11.2022; revised 13.01.2023; accepted 19.01.2023.

About the authors:

Vladimir A. Avatkov, Dr. Sci. (Political Sciences), Head of the Department of the Middle and Post-Soviet East Institute of Scientific Information for Social Sciences (51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>, v.avatkov@gmail.com

Yana V. Agafonova, Junior Research Assistant of the Center for Interdisciplinary Research Institute of Scientific Information for Social Sciences (51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8660-1864>, agafonova.iana2017@yandex.ru

Contribution of the authors:

V. A. Avatkov – structuring and systematization of research data; evaluation and collection of data on the part of the article related to the Republic of Türkiye; study of the concept of the world governance model being under construction and substantiation of data regarding to Türkiye; revision of the text.

Ya. V. Agafonova – preparation, analysis of the theoretical base on the subject of research; conducting research; evaluation and collection of data on the part of the article related to the Republic of Korea; analysis of these materials; study of the behavior and role of Korea due to the world governance model being under construction.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.